

док джайнизма, связанный, видимо, с упадком многих старинных городов как из-за наблюдавшейся натурализации хозяйства в сформировавшемся феодальном обществе, так и отчасти из-за падения роли внешней торговли Индии⁴. Так или иначе, именно к первым столетиям феодальной эпохи относятся преследования и жестокие гонения на джайнов.

Книга Н. Р. Гусевой содержит также целый ряд полезных сведений о современном состоянии джайнской общины в Индии (стр. 107—117). Для джайнизма, как и многих других религиозных и сектантских движений, в современных условиях характерно стремление приспособить древнюю религиозную догматику к новым общественно-экономическим условиям. Джайны становятся на путь реорганизации своей общины. Эта тенденция особенно популярна в так называемых средних слоях (в работе — «средних классах»), т. е. мелкой и средней буржуазии, к которой примыкают и ремесленники, а также часть средней городской интеллигенции. Н. Р. Гусева отмечает, что идеологи современного джайнизма отходят от чисто богословских позиций и стремятся придать новым религиозным движениям социальное содержание, включая в свою программу ряд сугубо социальных требований и реформ: требование смягчения кастовых ограничений, отмены запрета на браки вдов, предоставления женщинам более широких прав в общественной жизни.

Автор обращает внимание читателей и на другое движение в современном джайнизме, именуемое «ануврат» — движение за моральное возрождение общества, провозглашенное в 1949 г. и возглавленное Ачарья шри Тулси. Интересно, что к движению примкнуло некоторое число лиц, исповедующих другие вероучения — арья-самаджизм, сикхизм, вишнуизм и ислам.

Анализ программы движения ануврат показывает, что несмотря на, казалось бы, демократизм и прогрессивность выдвигаемых требований, социальную базу его составляют представители средней и крупной промышленной и торговой буржуазии.

Ставя своей задачей кардинальную перестройку общества путем изменения сознания каждого его члена, ратуя за «справедливое распределение доходов», осуждая «наступление реакционных элементов на права трудящихся», излишнее накопление и эксплуатацию, демографически провозглашая свою приверженность идее равенства, идеологи этого движения решительно выступают против активной борьбы, осуждают все формы «насилия», считая классовую борьбу «немудрым занятием», а идею построения бесклассового общества «фантазией» и «абсурдом». Н. Р. Гусева приходит к правильному выводу о том, что деятельность анувраты по существу парализует всякую активность и сводит борьбу за повышение заработной платы, улучшение условий труда и быта, предоставление всем трудящимся широких политических прав к «вялым непротивленческим протестам и просьбам, чтобы капиталисты осознали свои недостатки и перестали стремиться к наживе» (стр. 115).

Автор отмечает, что в условиях капиталистического развития джайны, в особенности марвари и банья, выдвинулись как крупные промышленники, контролирующие предприятия и банковские операции в различных частях страны.

Н. Р. Гусева, видимо, правильно связывает резкий прирост джайнской общины в 1950—1960-х годах (на 25,17%), наблюдаемый главным образом в восточных областях Индии и в районах, усиленно развиваемых в последнее время индийским правительством (Андхра, Ассаме, Ориссе, Бихаре), с тем, что джайнская буржуазия ищет и находит сферу приложения своих капиталов именно в районах начинающегося капиталистического развития.

Внимания заслуживают также главы о философских и религиозных принципах джайнизма, о структуре джайнской общины, о литературе и искусстве джайнов.

В заключение хотелось бы отметить, что несмотря на наличие в книге Н. Р. Гусевой некоторых гипотетических положений, требующих развития и аргументации на более конкретном материале, выход в свет первого на русском языке монографического очерка о джайнизме — весьма положительное явление. Знакома читателей с существующими в науке представлениями и точками зрения на джайнизм и его историю, сообщая важные конкретные сведения об этой религии, эта книга ставит в то же время перед исследователями различных специальностей целую серию вопросов, решение которых крайне необходимо для развития нашей науки.

К. З. Ашрафян, А. М. Дьяков

Д. Е. Еремеев. Юрюки (турецкие кочевники и полукочевники). М., 1969, 104 стр.

Наряду со значительными по численности национальными меньшинствами (курды и др.) современную Турцию населяют также относительно мелкие этнические общности. К их числу относятся, в частности, туркоязычные кочевые и полукочевые племена, называемые юрюками (этноним и самоназвание «юрюк»), общая численность которых определяется в 300—500 тыс. человек.

⁴ R. Sh. Sharma, Feudalism in India, in: L. Gopal, Economic life of Northern India, Patna, 1965.

Язык и культура юрюков близки к языку и культуре турок — основной господствующей нации. Однако кочевой и полукочевой образ жизни юрюков не мог не наложить существенного отпечатка на отдельные стороны их общественного, хозяйственного и семейного быта, до сих пор отличающегося известной спецификой. Преобладающую роль в этнической истории юрюков сыграли тюркские племена огузов и туркмен, перекочевавших в Малую Азию и на Балканы в XI—XIII вв. В культуре и быту юрюков прослеживаются также влияния курдов.

Книга Д. Е. Еремеева — первый опыт обобщающего этнографического исследования юрюков. Эта работа, хронологические рамки которой охватывают 1920—1960 гг. существенно дополняет имеющиеся в отечественном и зарубежном востоковедении заметки, статьи и книги по отдельным аспектам этнографии юрюков.

Основная цель работы Д. Е. Еремеева — освещение проблемы оседания юрюков. Как известно, особенности процесса оседания кочевых и полукочевых народов зарубежного Востока давно привлекают внимание этнографов. Но при актуальности этих проблемы она, к сожалению, все еще мало изучена. Недостаточно исследованными остаются также культура и быт мелких этнографических групп Передней Азии, особенно кочевых и полукочевых.

Книга Д. Е. Еремеева поэтому представляет большой интерес не только с точки зрения постановки проблемы оседания кочевников Передней Азии, но и с точки зрения общего этнографического описания юрюков.

Рассматривая проблему перехода юрюков к оседлости в условиях капиталистического развития Турции, автор на этнографическом материале живо рисует особенности хозяйства (стр. 29—60), материальной культуры (стр. 61—87), семейного быта и духовной культуры юрюков (стр. 88—97).

Этим главам предпосланы обзор литературы и географическая характеристика районов расселения юрюков (стр. 4—24).

Для осуществления поставленной задачи автор опирается на труды русских революционных и советских авторов (М. П. Вронченко, Д. В. Путята, Л. И. Аверьянов, В. А. Мошков, В. А. Гордлевский, А. Д. Новичев). Особенно важно подчеркнуть, что Д. Е. Еремеев привлекает ценные материалы об юрюках, содержащиеся в исследованиях турецких ученых (Ф. С. Дуран, М. Энвер-Беше, Э. Решид, А. Бахи Гёкоглу, А. Рыза Яялы, Н. К. Атабейли, К. Гюнгер и др.). Широкое использование Д. Е. Еремеевым источников и литературы на турецком языке — несомненное достоинство его книги.

Некоторые материалы были почерпнуты Д. Е. Еремеевым и из работ западноевропейских авторов.

Одной из главнейших причин недостаточной этнографической изученности юрюков является отрицание официальными кругами Турции существования в стране нацменьшинств. Д. Е. Еремеев указывает, что «официальная турецкая статистика и переписи населения не выделяют юрюков в отдельную от турок этническую общность» (стр. 20). Сказанное вполне применимо также к курдам, туркменам и некоторым другим народам Турции. Собрав сведения о юрюках из самых разнообразных источников, Д. Е. Еремеев сумел удачно обобщить этот материал. Его небольшая по объему книга насыщена ценными историко-этнографическими данными.

Характеризуя социально-экономическую отсталость юрюков, автор показывает, что основу экономики этой численно незначительной этнографической группы до сих пор составляет скотоводство с различными формами кочевания. Процесс оседания юрюкских кочевников и полукочевников автор хорошо иллюстрирует на анализе отдельных сторон их общественного и хозяйственного быта, типов жилищ и хозяйственных построек, типов поселений и т. п. Новый и интересный материал дает глава об остатках родо-племенного деления. При этом автор показывает, что сравнительно низкий социально-экономический и культурный уровень юрюков — одно из следствий сохранения ими кочевого и полукочевого быта, экстенсивного скотоводства, невозможности перейти на оседлость.

Надо отметить, что процесс оседания юрюков — следствие сложного взаимодействия различных факторов: политического, экономического, этнического. Так, целый ряд юрюкских племен, раздробленных на группы османским правительством, расселились в самых различных отдаленных друг от друга районах страны. Тем самым юрюки были оторваны от основных мест кочевания своих же племен и постепенно «сливались» с местным, турецким, населением, близким ему по языку и культуре.

Скотоводство, носящее товарный характер, — основа экономики юрюкских кочевников и полукочевников. Продукты скотоводства племена обменивают на продукты земледелия и промышленности. Д. Е. Еремеев излагает факты, свидетельствующие о явном упадке скотоводческого хозяйства юрюков. В связи с этим с 20-х годов XX вв. происходит резкое падение жизненного уровня кочевников и полукочевников, видевших единственный выход в переходе на оседлость. Но переходу на оседлость препятствует и ускоряющийся по мере внедрения в сельское хозяйство капиталистических отношений процесс концентрации земель в руках богатеев. Пастбищные земли также все чаще и чаще захватываются местными землевладельцами. Все это, как правильно отмечает Д. Е. Еремеев, резко подрывает кочевое скотоводство, заметно ухудшая положение рядовых скотоводов. А переход разоряющихся кочевников на оседлость тормозится невозможностью наделения их землей. Политика турецкого правительства в отношении

юрюков противоречива: с одной стороны, оно пытается перевести их на оседлость. а с другой — не в силах осуществить этого, сохраняя в неприкосновенности крупную частную земельную собственность. Тем не менее процесс оседания юрюкских племен неизбежен и происходит стихийно, но идет он очень тяжело и мучительно для кочевников. Кочевникам, которым не удастся приобрести землю и заняться земледелием, придется пополнять ряды батраков — наемных пастухов и рабочих. При этом само по себе оседание юрюкских кочевников осуществляется различными путями, о чем сообщает и автор, правильно выделяя три основных вида оседания юрюкских племен (стр. 46).

Наряду с процессом оседания юрюкских племен происходит не менее сложный этнический процесс: ассимиляция юрюков турками. Автор справедливо отмечает, что этому процессу способствует отсутствие у турецкого крестьянства идеи расового превосходства. «К тому же,— пишет Д. Е. Еремеев,— ислам суннитского толка, исповедуемый турками, не признает никаких языковых, этнических, национальных и расовых различий; для него существенны лишь различия религиозного характера — христианство, шиизм и т. п.» (стр. 17). Все это несомненно так, но хотелось бы, чтобы автор более четко охарактеризовал на основе этнографического материала процесс языковой и этнической ассимиляции юрюков.

Правильно отмечая тот факт, что по языку и культуре юрюки близки к туркам, Д. Е. Еремеев удачно показывает специфику культуры и быта юрюков на примере типов жилищ, поселений и других этнографических характеристик. Автор в то же время не везде разграничивает степень этнической ассимиляции у кочевых, полукочевых и оседлых юрюков. Поэтому не всегда ясно, в какой мере сохраняется этнографическая специфика юрюков и в какой степени она уже исчезла. Например, при описании жилища ничего не говорится о традиционных турецких крестьянских постройках. Как известно, среди турецкого крестьянства распространено несколько типов жилища: однокамерное или двухкамерное жилище, составляющее одно целое с хлевом и хозяйственными постройками; двух- или трехкамерное жилище, не составляющее единого комплекса с хозяйственными помещениями; двухэтажные постройки с жилыми помещениями на втором этаже и хозяйственными на первом и т. п. Очень важно было бы показать, какие из этих типов были заимствованы юрюками. Отсутствие подобного материала является существенным недостатком книги.

В книге есть места, не совсем удачные в стилистическом отношении, что свидетельствует о недостаточно внимательном редактировании работы. Например, в главе «Одежда» говорится: «Мужская рубаша (гёйнек) короче женской, без воротника, с разрезом на груди» (стр. 68), но о женской рубаше на следующей странице читаем: «...рубаша (гёйнек) с длинными рукавами и разрезом на груди, который застегивается на пуговицы, заправляется в длинные штаны (дон)» (стр. 69). О длине женской рубашки здесь нет и речи. Или еще одна неудачная формулировка. В предисловии автор пишет: «Естественно, что автор настоящей работы не мог осветить все стороны этнографии юрюков...» В то же время в аннотации, помещенной от редакции издательства, сказано: «В книге **всесторонне** освещается этнография юрюков» и др. Данное автором (в главе «Семейный быт и некоторые черты духовной культуры») описание традиционных танцев, к сожалению, не дает о них четкого представления (стр. 89).

В рецензируемой книге отнюдь не все высказанные автором положения бесспорны и убедительны (например, о кочевой общине «оба», о понятиях род, племя). Но это не вина, а беда автора, да и многих других этнографов-зарубежников, лишенных возможности опираться на собственный полевой материал. Тем не менее в целом книга Д. Е. Еремеева, уже зарекомендовавшего себя этнографическими исследованиями по Турции, представляет собой большое достижение автора. Эта книга будет полезна многим, занимающимся проблемами оседания кочевников и этнографией народов не только многонациональной Турции, но и сопредельных с нею стран.

Т. Ф. Аристова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

«ГВИАНА: ГАИАНА, СУРИНАМ, ФРАНЦУЗСКАЯ ГВИАНА». Сборник статей. М., 1969, 246 стр.

Сборник «Гвиана» издан Институтом этнографии АН СССР. Авторский коллектив включает сотрудников сектора Америки Института, специалистов по Гвиане из других научных учреждений, а также известного деятеля освободительного движения в Америке Чедди Джагана.

Гвиана — одна из самых своеобразных областей на южноамериканском континенте. Можно сказать, что в южноамериканской «семье» она стоит как бы особняком